

В.Г. Маранцман

«Странный человек» (Повесть «Бэла»)

Читая первую часть романа, мы захвачены историей любви Печорина к черкешенке и сочувствуем ей. Обаяние горцев, их цельность, сила чувств, смелость и естественность объясняют, почему Печорин хочет приблизиться к ним. Любовь к Бэле для Печорина не каприз избалованного сердца, но попытка вернуться в мир искренних чувств «детей природы». Почему эта попытка не удалась? Почему Печорин похищает Бэлу и добивается ее любви? Можно ли было предвидеть по началу отношений Печорина с Бэлой трагическую развязку? Какую роль в этом предвосхищении событий читателем играют пейзажи? Кто виноват в гибели Бэлы?

Обдумайте эти вопросы и решите: кто же Печорин — виновник или жертва трагедии?

Перечитывая исповедь Печорина перед Максимом Максимычем, мы убеждаемся в том, что герой объясняет здесь себя как следствие законов времени и своего круга. Снимает ли это вину с Печорина? Как он отнесся к смерти Бэлы? Максим Максимыч винит Печорина в равнодушии: «...его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя». Правда, на своем месте Максим Максимыч, который «любил ее как отец», пошел заказывать гроб и признался, что «частью» для развлечения занялся этим».

Подумаем, какую роль во всей этой истории играет Максим Максимыч, кто он — сочувственный свидетель или непосредственный участник происходящего. Мысль познакомить Печорина с Бэлой принадлежит Максиму Максимычу. Сочувствуя по доброте сердца «тоненькому, беленькому» офицеру с «большими странностями», Максим Максимыч хочет развлечь его и везет на свадьбу к князю. При этом у него «было свое на уме», хотел он встречей с Бэлой изменить мнение Печорина о черкешенках. Добрый порыв Максима Максимыча оборачивается бедой именно потому, что он не привык думать о последствиях своих поступков. Порой он сам винит себя в том: «Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорию Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хитрый! — а сам задумал кое-что». Непосредственность Максима Максимыча подводит его, как и его доброта: сам того не желая, он подсказывает Печорину способ похищения Бэлы. Максим Максимыч честен и чуток, он понимает, что похищение Бэлы — «нехорошее дело», но доказать своей правоты Печорину не в силах. Печорин здесь дан в самом невыгодном освещении: он добивается Бэлы, ничем не рискуя, хитросплетения ума заменяют отвагу. Похищение, совершенное чужими руками, скверно, но Максим Максимыч не в силах объяснить это и может лишь укорять Печорина, который постоянно ставит его «в тупик». Обратим внимание на странность первых доводов Максима Максимыча: «Вы сделали поступок, за который и я могу отвечать». Забота о себе в такой момент менее всего свидетельствует о его доброте, а разность официального и интимного тона в репликах Максима Максимыча свидетельствует об отсутствии цельности, ограниченности его позиции. Добро Максима Максимыча не умеет противостоять злу, которое совершает Печорин. Более того. Максим Максимыч, невольно вовлекаясь в поединок, который идет между Бэлой и Печориным, поддразнивает его и, как игрок, заключает пари.

По другому поводу, говоря об отношении Максима Максимыча к горцам, автор заметит: «Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает невероятную гибкость

и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения».

Итак, доброта, непосредственность, честность Максима Максимыча оказываются явно недостаточны, чтобы противостоять злу или хотя бы понимать смысл совершающегося. При этом, любя Печорина, Максим Максимыч не в силах ему помочь, понять его трагедию: «Скажите, пожалуйста, – продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне, – вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужто тамошняя молодежь вся такова? Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое, что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду... и что нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье, как порок. Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головой и улыбнулся лукаво:

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— Ага, вот что! – отвечал он, – да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!»

Ограниченность Максима Максимыча не просто соседствует с его добротой, но подтачивает ее и противодействует ей. Вот отчего иронично заключение повести: «Сознайтесь, однако же, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы признаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ». Выделение в последних строках повести отношения к штабс-капитану подчеркивает, что для автора романа смысл повести не сводится к истории Бэлы.